
ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ

Во-первых, хотел бы усомниться в возможности отделения Сталина от сталинизма. Конечно, сталинизм создавался не только Сталиным, но, очевидно, что не без его активного участия. В обоих отношениях, и в позитивном, и в отрицательном, его личность непосредственно проявлялась. Это две стороны одной медали.

Здесь много уже сказано об объективных социально-экономических условиях в период деятельности Сталина и Троцкого. На мой взгляд, их деятельность и возникшие в результате этого модели определялись сочетанием, наложением объективных обстоятельств и субъективной составляющей, т.е. особенностью их характеров. При чем судить о характерах, мотивации и т.д. надо, прежде всего, не по оценкам знавших их людей, а по достоверно установленным фактам. Человек в своих оценках – существо субъективное и эмоциональное. Известно высказывание Троцкого, что «Сталин – ничтожество».

Но Сталин и Троцкий находились друг к другу достаточно в напряженных отношениях. Сталин видел в Троцком, вероятно, самоуверенного выскочку, занявшего важнейшие посты. Троцкий же в Сталине видел недалекого, малообразованного, по сравнению с ним, человека.

Неопровержимо, на основе фактов, мы можем сказать о Сталине: крайне подозрителен, злопамятен, циничен, лицемерен и жесток. Находятся люди, которые последнее даже оправдывают, но как можно оправдать убийство своих оппонентов, в конце концов, существовала возможность их изоляции, подобно Польше в 1982 году. Невозможно оправдать и применение пыток, зачастую только лишь, чтобы заставить человека оговорить самого себя. Жестокость была неоспоримой чертой его характера.

Вообще говоря, лидер с такими человеческими качествами, способен затруднить строительство социализма и в самой развитой стране.

Но конечно, Сталин не был ничтожеством, у него была определенная сила, энергичность, ум. Невозможно согласиться с высказыванием М. Воейкова о том, что «сталинское руководство шло за событиями экономической необходимости, совсем этого не понимая и даже не думая об этом. Сталин и его окружение думали, что возглавляют и направляют экономический процесс. Однако каждый раз попадали впро�ак». Ошибок, в том случае, когда проблема вообще имела решения, он допускал не больше других крупных деятелей.

Приведу лишь два примера тяжелых, но необходимых решений.

Форсированная и, по большей части, принудительная коллективизация навлекла на себя очень много критики. Да, издержки её были огромны и не ограничивались голодом. Произошла смена настроений большей части «середняцкого» крестьянства в сторону резкого недовольства советской властью (зафиксированная донесениями

ОГПУ), которое смягчилось лишь к концу 1930-х годов значительными поставками сельхозтехники в село.

Но она же, в отличие от «военного коммунизма», разрубила не один, а несколько острейших тогда вопросов:

- «кризис хлебозаготовок» - город не только получил необходимый минимум продуктов, но часть сельхозпродуктов, как и до того, была экспортирована за валюту. А потребность в ней в связи с индустриализацией была такая, что мы продавали нефть и мазут Муссолини (большинство стран Запада отказывалось покупать их у Советской России);

- политически было достигнуто резкое усиление роли (не симпатий – это разные вещи) партии и государства в деревне – через фактическое назначение председателей колхозов, поставки сельхозтехники и т.д.;

- ликвидация в деревне кулацкого, буржуазного сопротивления социализму в целом;

- страна получила значительное количество рабочих рук для освоения Севера (месторождение Воркуты, Колымы, Норильска) и строек в наиболее тяжелых условиях (каналы, Дальний Восток). Необходимость в этом была абсолютной, а «заманить» туда людей высокой оплатой не было финансовой возможности. Оставалось два основных источника: энтузиазм комсомольцев и заключенные и раскулаченные.

Раскулаченные работали, в частности, с моим отцом-геологом на Колыме в первой половине 30-х годов, и были по его словам, работающими, здоровыми, кормили их тогда нормально.

Вероятно, можно было завершить коллективизацию в основном не за 3-4, а за 5-6 лет, но вряд ли было возможно растянуть её на 15, а тем более на 45 лет.

При Сталине же оформилась жестко централизованная система управления, с минимумом «говорильни», во многих ситуациях эффективная в ту пору, хотя имеющая много известных недостатков. «Вертикаль» эта была «двуногой», имея партийную и хозяйственную ветви, в отличие от нынешней инвалидной «одноногой» вертикали, где чиновники сами все решают, сами как-то исполняют, сами воруют в чудовищных масштабах, и сами же себя должны сечь за коррупцию и другие преступления!

Нам бы хорошо понять, что из троцкизма и сталинизма мы, как левые, можем использовать для пропаганды и для самого строительства социализма или его предпосылок.

- Можем ли мы использовать образ Сталина в пропаганде из-за его популярности? Я думаю, что нет, хотя среди части населения, в том числе, социалистических взглядов, он остается «непогрешимой иконой» и «настоящим коммунистом». Образ его в нынешних условиях тянет больше к державности, чем к коммунизму, больше к бюрократической авторитарности, чем к народовластию.

- Отдельный вопрос – это роль товарно-денежных отношений, проблема «переходного периода».

Это конечно не период, это эпоха. Но не мог же К. Маркс всё это представить. Эпоха, которая длится десятилетия, а в некоторых странах и столетия в течение которых, товарно-денежные отношения в какой-то форме, возможно используя и формулировку Сталина – «особого рода», неизбежно существовать будет лишь постепенно сменяясь другими регуляторами.

- Роль рабочего класса в строительстве социализма. Уже не раз задавался вопрос, может ли класс, неразрывно связанный с капиталистическим производством, быть главным мотором созидания нового общества. Класс, который, по мнению некоторых ученых, должен себя еще чуть ли не мгновенно самоупразднить после социалистической революции. Возможно рабочие вместе с интеллигенцией могут быть этой движущей силой, но лишь в условиях постоянного развития социалистических процессов в обществе.

- Роль самоуправления. На него основную ставку делал Троцкий. Помимо сложностей сопряжения его с планированием, как показал, в частности, опыт Югославии, исходя из личного опыта развитие самоуправления – это длинный и тяжелый процесс. Одни, воспитанные капиталистическим обществом, воспринимают его с недоверием, другие не очень хотят в этом участвовать, их вполне устраивает роль ведомых. И все же, видимо, самоуправление – один из мостиков, ведущих к подлинному социализму, в том числе, через воспитание активности людей.

- Роль иерархической системы управления и собственно самого лидера. В условиях того времени подобная система во главе с жестким и целеустремленным лидером, при всех недостатках, все таки сработала позитивно. Но чем более образованным, развитым, самоорганизованным становится человек, тем в меньшей степени он нуждается в подобной системе.

- Возможность сохранения общеполитических свобод – собраний, печати, независимого ТВ, существование оппозиции, демократических процедур (выборы, референдумы). Скажем, в Венесуэле все это сохранено, в ряде же других стран, от Кубы до Китая, это было в основном утрачено. Сохранение этих свобод в течение «переходного периода», видимо, возможно, не при любых условиях и требует большого политического искусства.

Михаил Кропоткин,
директор народного предприятия «Сингеос»,
член Совета ОД «Альтернативы»
